

АШИРА ХААН

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2023 📖

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес 📖

НЕЗАВИДНЫЙ ХОЛОСТЯК

Ашира Хаан

Незавидный холостяк

«Автор»

2022

Хаан А.

Незавидный холостяк / А. Хаан — «Автор», 2022

Кирилл — гений, миллиардер, плейбой, филантроп... гедонист, красавчик, владелец круизного судна и гаража суперкаров, ведущий шоу «Остров для двух сердец». Он имеет право проводить брачные церемонии в нескольких странах, онлайн-играх, как капитан корабля, как священник одной из маленьких религий и просто так — на своем собственном острове. А это — Варвара. Просто Варвара. О ней совершенно нечего сказать. Единственное яркое событие в ее жизни случилось совсем недавно. Она хочет простого семейного счастья и спокойной жизни. Он ни к чему не относится серьезно. Что же нам с ними делать? Содержит нецензурную брань.

© Хаан А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

ПРОЛОГ	5
Кое-что старое	8
Кое-что синее	10
Кое-что чужое	12
Кое-что новое	15
Профессионал бардака	18
Коллекционер свадеб	21
Тайные сокровища	24
Не модель	27
Не свидание?	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ашира Хаан

Незавидный холостяк

ПРОЛОГ

Сегодня меня бросили прямо у свадебного алтаря.

Точнее – у самых дверей загса.

– Знаешь, Варь, – сказал будущий муж. – Я передумал жениться.

Все началось с того, что он безбожно опаздывал. Я нервно крутила телефон, высматривая пробки на окрестных дорогах, мама цокала каблуками туда-сюда по мраморному полу, бабушка вспоминала все известные ей анекдоты про сбежавших невест и женихов.

Еще я злилась.

Костя всегда опаздывал.

Вовремя он пришел один раз в жизни – на наше первое свидание. Сразу с цветами и в галстук, поразив меня этим до глубины души. Поэтому когда на следующее он опоздал на полчаса и пришел с бутылкой пива в руке, я легко поверила в то, что это случайность. И потом каждый раз верила в отмазки про захлопнувшуюся дверь, три подряд сломанных автобуса, внезапный пожар, вывихнутую ногу, внеурочно приехавшую тетю, умерший телефон. Ведь если в первый раз он был приличным и не опоздал, а потом испортился – может быть, это я виновата? Это я его испортила?

Сорок минут опоздания на собственную свадьбу – это точно случайность! Еще с утра мы с ним мило ворковали по телефону – он у себя дома, я у мамы – и он рассказывал, как ему не терпится увидеть меня в свадебном платье, которое я по традиции заранее не показывала; жаловался, что никак не получается выгладить рубашку так же хорошо, как это делаю я; выбирал между черным в полоску галстуком и вышитым серебристым. Потом меня захватила предсвадебная подготовка: прическа, макияж, последние созвоны с фотографом, рестораном, водителями...

Я только уже у самого загса написала ему: «Ты едешь?»

Ответа не получила.

Но вот, спустя почти час нервов, сотню капель валокордина и десяток не отвеченных звонков, Костя наконец появился на пороге. Наша очередь как раз подходила, и я не стала выяснять, что его так задержало. Двери зала для торжественных церемоний распахнулись, оркестр грянул Мендельсона, мама сунула мне круглый букет белых роз, перевитый лентами, я протянула своему жениху руку и сказала:

– Пойдем.

А он...

Наверное, очень немногие люди могут похвастаться таким опытом, как у меня.

Свадьбы, бывает, играют по несколько раз в жизни. Иногда два или три раза с одним и тем же человеком.

Детей рожают не одного.

Даже Нобелевскую премию некоторые получают по два раза, хотя это прямо запрещено, но если в разных категориях – то можно.

А вот быть брошенной у алтаря – такое только в кино показывают.

Редкий опыт. Почти уникальный.

Обычно трусливые женихи и ветреные невесты сбегают намного раньше.

После слов Кости «Я передумал жениться» я... оглохла.

Я серьезно не слышала, что он дальше говорил.

Все было как в немом кино: он открывал рот, моргал, размахивал телефоном, зажатым в руке, а у меня в ушах стоял только шум прибора.

Шшшххх, шшшхххх...

Волны бились о скалы в тысяче километров отсюда.

И я сама находилась в тысяче километров от этого зала.

От мамы, которая некрасиво кривила ярко накрашенные губы, выговаривая что-то Косте; от брата, который сжимал горлышко пластиковой бутылки, как будто это шея моего не случившегося мужа; от тети, которая бегала вокруг нас и махала руками, разгоняя любопытствующих гостей, словно голубей на площади Сан-Марко.

От бабушки. Очень бледной бабушки, которая вдруг начала оседать на землю, беспомощно цепляясь слабыми пальцами за рукава стоящих рядом людей. Брат отшвырнул бутылку, бросаясь к ней на помощь, мама ахнула и застыла с широко открытым ртом, тетя медленно повернулась, в ужасе глядя на нас. На Костю сразу перестали обращать внимание, и он, нервно дергая с шеи галстук, быстро вышел из загса и сел в ожидающее его такси.

Мой племянник записал все это на видео. Прислал мне файл на следующее утро. Маленький жестокий ублюдок. Люблю его.

Я могла бы рассмотреть свой самый ужасный час в жизни в мельчайших подробностях. Даже услышать, что говорил Костя, – узнать ту причину, по которой он передумал. Но я запретила всем говорить мне об этом.

Я пока не готова узнать.

Пусть видео лежит в облаке и ждет момента, когда я смогу его посмотреть.

Когда-нибудь.

Подготовка похорон бабушки заняла все свободное время. Некогда было даже поплакать. Я ехала с ней в «скорой» прямо в свадебном платье. И в нем же сидела на банкетке в холодном коридоре, обнимая маму изо всех сил. Кто-то подобрал мой букет и приволок его домой, когда мы вернулись из больницы, где уже некого было ждать. Я вспомнила, что бабушке он очень нравился, и положила его к ней в гроб.

После поминок мы с мамой стояли у подъезда дома и смотрели на десять коробок с моими вещами, которые только что выгрузили из «газели» к нашим ногам. Вся моя жизнь с Костей, последние три года. Куда их теперь?

Куда мне теперь? Я ведь в его квартиру купила занавеску для душа со «Звездной ночью» Ван Гога и там на кухонном подоконнике стоит горшочек с авокадо, выращенным из семечка моими собственными руками. Там был мой дом. А теперь его нигде нет.

– Забирай себе бабушкину квартиру, Варь, – сказала мама.

– Почему? – удивилась я. – Ты можешь ее сдавать.

– Я там выросла. Не смогу выбросить ни единой салфетки и убью чужих людей, если они поцарапают пианино, на котором я училась играть. А тебе надо где-то жить.

Так я и оказалась в двухкомнатной квартире на окраине Москвы, под самый потолок забитой хламом, который бабушка собирала всю свою жизнь. Чтобы как-то там обустроиться, нужно было выбросить как минимум половину. А как выбросишь вышитые вручную льняные скатерти – хоть и пожелтевшие, но красивые до умопомрачения? Как рука поднимется избавиться от сервиза «Мадонна» – голубой мечты всех семей еще каких-то тридцать-сорок лет назад?

И как, как можно избавиться от огромной радиолы пятидесятых годов – с проигрывателем и радио, ловящим зарубежные станции? Она стояла у бабушки в красном углу вместо икон, накрытая самой красивой вязаной салфеткой. А сверху громоздилась до потолка стопка древних пластинок – еще на семьдесят восемь оборотов.

По их вине и случилось самое странное знакомство в моей жизни...

Кое-что старое

Бабушкина квартира была похожа на все подобные квартиры – на сайтах поиска жилья их презрительно называют «бабушатниками» и считают, что подобную рухлядь надо отдавать даром и еще приплачивать жильцам.

Когда мы с Костей искали, что снять на двоих, так чтобы было близко и к его, и к моей работе, он сразу презрительно кривился, завидев восточный ковер, и пролистывал даже самые удобные варианты.

А мне нравилось, хоть я и стеснялась признаться. Наверное, потому что я всегда любила приходить к бабушке в гости, в ее уютный дом, всегда пахнувший вкусной едой и старомодными духами.

Время в этой квартире словно остановилось где-то в восьмидесятые годы – устроилось в кресле напротив телевизора «Рубин», укрылось вязаным пледом и уснуло, сладко посапывая.

Мы с мамой подарили бабушке новый современный телевизор – даже два! – один в начале двухтысячных, с плоским экраном и сотней каналов, другой – широкоформатный, высокого разрешения и с подключенной спутниковой антенной. Она очень любила смотреть National Geographic и ретро-фильмы, но старый ламповый агрегат так и не выбросила.

Ковры в квартире тоже обитали. На стенах – яркие, с восточными узорами; на полу – поскромнее, вытертые и блеклые. И вязаные дорожки в прихожей и узком коридоре между комнатой и кухней.

В маленькой комнате помещалась только высокая кровать со стопкой подушек, заботливо укрытых кружевными салфетками, трехстворчатый гардероб, запертый на ключ, и древняя швейная машинка с ножным приводом, служащая чем-то вроде туалетного столика. На ней были выставлены коробочки с лекарствами, лежали два тонометра – ручной и автоматический – и зеленая школьная тетрадка еще «тех» времен ценой в три копейки с гимном Советского Союза на обороте. В нее бабушка корявым старческим почерком записывала три раза в день показатели давления и отмечала погоду и самочувствие.

В большой комнате господствовала «стенка» – светлая, с застекленными шкафами; я помнила, как бабушка хвасталась, что удалось «достать» по знакомству такую красивую, полированную. Там же стояло то самое пианино, за которое мама готова была убить, и старый диван. Мы как-то заказали для него новые подушки, и бабушка долго жаловалась, что никак не привыкнет к их яркой расцветке. Будто кто-то чужой стал жить в ее доме.

Я ходила по квартире, как по музею, – на цыпочках, стараясь не шуметь, хотя тревожить было некого. Паркет поскрипывал под босыми ногами, и старая мебель скрипуче отзывалась на его жалобы. Буфет на кухне стеклянno дребезжал при каждом шаге: здесь не было новомодных гарнитуров, только старая плита, простенькие полочки с посудой и высокий шкаф, в котором заботливо была сложена вся полезная техника, которую мы регулярно дарили бабушке с дедушкой. Электрические чайники, миксеры, терки с десятком насадок, пароварки, утюги, электромясорубка... Бабушка всегда ахала, благодарила, но продолжала пользоваться пузатым чайником с яркими маками на боку и чугунными утятницами.

Подоконники и столы были уставлены пустыми стеклянными банками для варений и солений, и я знала, что еще больше банок, только наполненных вкусами, пряталось на антресолях, куда я даже заглядывать пока боялась.

Квартира была похожа на пещеру дракона, доверху забитую уже никому не нужными сокровищами. Для моих вещей тут места не было. Да и для меня пока тоже. Я слонялась из угла в угол и не знала, с чего начать.

Весь гардероб занимали яркие цветастые платья, которые бабушка шила себе каждый год, пока был жив дед. В ящиках томилось ни разу не надетое белье, выглаженные платки и

длинные ночные рубашки. Как-то неловко даже убирать их отсюда и засовывать свои носочки с Пикачу, перекладывая их вкусно пахнущими кусками лавандового мыла.

Теперь я понимала маму. Разрушить этот застывший мир, обжить его, превратить в свой – нужно очень много сил. Прежде всего моральных.

Потому что это значит – надо навсегда попрощаться с бабушкой. А я не была готова...

Я вернулась в ее маленькую спальню, села на пружинную кровать. Рядом стоял стул, на котором валялась единственная во всей квартире неаккуратно брошенная вещь – зеленая вязаная кофта. Когда мы заезжали за бабушкой по пути в загс, она строго спросила у нас: холодно там или тепло? Мама заверила, что тепло, очень тепло на улице, ты запаришься!

Бабушка сняла кофту и бросила на стул, та свалилась, но мама поторапливала и бабушка махнула рукой – потом повесит.

Я взяла эту кофту, глубоко вдохнула чуть резкий, отдающий нафталином запах духов и повалилась на кровать, уткнувшись лицом в колючую шерсть.

Слезы брызнули, разом прорвав плотину – до сих пор я держалась. Держалась, когда мы уезжали в больницу, держалась, когда плакала мама, держалась, раздавая деньги похоронным агентам, гробовщикам, священнику, проводившему отпевание. Кроме меня было некому.

А теперь словно кто-то разрешил, словно бабушка невесомо погладила по голове и сказала: «Поплачь, моя хорошая, поплачь». И я плакала – всхлипывала, икала, запихивала мокрую шерсть в рот, чтобы не орать, но сдавалась и мой плач эхом разносился по опустевшей квартире.

Мама предлагала пока переночевать у нее, но я отказалась: там еще лежало мое свадебное платье, валялись туфли на каблуках, пахло лаком для волос и не случившейся радостью. Думала, здесь мне будет полегче – хоть отвлекусь.

Но было только хуже. Здесь я почувствовала себя по-настоящему одинокой и рыдала не по жениху, не по бабушке, а по себе, своей старой жизни, которой больше не было.

Заснула я, сама не заметив как. Под громкое тиканье часов с поздравительной надписью «50 лет Победы!», окутанная самым теплым в мире запахом бабушки.

Кое-что синее

А наутро началась уже совсем другая жизнь.

Я приняла душ, лихо раздербанив подарочную упаковку с ванильным шампунем, заботливо хранимую на «лучшие годы», позавтракала быстрозаваренной овсянкой и оторвала от рулона первый мусорный пакет на шестьдесят литров.

Поехали!

Раз! Я открыла дверцы буфета и безжалостно сгребла оттуда все просроченные крупы, окаменевший сахар, консервы с истекшим сроком годности и дешевые сладости из сои, которыми бомжей жалко кормить.

Два! Выставила в подъезде на подоконник бесчисленные батареи пустых банок и крышек к ним. Туда же все справочники садовода, лунные посевные календари и стаканчики для проращивания семян. Пусть послужат тем, кому нужнее.

Три! Застиранное постельное белье, полотенца с пятнами, халаты без пуговиц, заштопанные кофты, потерявшие форму носки, ношеное белье – в мусор! Туда же гнутые вилки, сколотые тарелки, чашки со стершимися рисунками, старые кастрюли и покрытые гарью сковородки. Чугунную – оставила.

Четыре! Книги о руководящей роли партии, дешевые детективы и любовные романы, стопки журналов и газет – в топку! То есть буквально в топку: позвонила в дверь соседям и спросила, не нужна ли им растопка на дачу. Нужна. Отлично, пусть забирают.

Пять! Всю годную одежду упаковала в икеевские сумки и позвонила в пару благотворительных организаций, которые с радостью забрали и красивые платья, и новое белье, и платки – и особенно были рады обуви.

Шесть! Вывалила из шкафов стопки одеял и покрывал, отрезки тканей, сурового постельного белья, запасенного в советские годы, запасы ниток и шерсти, лупоглазых пупсов в упаковках и прочие крайне нужные вещи, которые никто не доставал десятилетиями.

И... села на пол среди этого добра, внезапно устав.

Прилив сил, который толкал меня с утра упаковывать, выбрасывать, разбирать и сортировать вещи, как-то угас. Я проголодалась и опять вспомнила, что у меня на самом деле все плохо. Бабушка умерла, жених бросил и в понедельник на работу, где любопытные коллеги будут расспрашивать про свадьбу, жалеть и переглядываться за спиной.

Но я это предвидела, и у меня был план.

Я заказала пиццу с ананасами и большой стакан капучино, устроилась на диване и принялась фотографировать вещи, которые собиралась выставить на «Авито».

Фарфоровые статуэтки, собрания сочинений, которые когда-то дедушка выкупал за макулатуру, старые пластинки, хрустальные салатницы и наборы посуды в бархатных коробках, винтажные духи и всю эту не пригодившуюся мелкую технику.

Мне не столько деньги были нужны, сколько не хотелось выбрасывать вещи, которые могли бы еще кого-нибудь порадовать, поэтому ставила я самую символическую цену. Если кто-то выкупит, чтобы перепродать, – ну что ж... Все равно в итоге достанется человеку, который будет рад этой вещи.

Некоторые покупатели звонили сразу же и были готовы приехать немедленно, пока кто-то другой не забрал их самый ценный в мире электрический самовар. Встречу я назначала во дворе: номер квартиры называть опасалась, а к метро тащиться было лень. И как-то незаметно к вечеру избавилась от изрядного количества хлама. Правда, я еще антресоли не открывала. И верхние шкафы «стенки».

Со статуэткой фарфоровой балерины, примеряющей у зеркала украшение, было особенно тяжело расставаться. В детстве я смотрела на нее через стекло трюмо и не осмеливалась даже попросить поддержать, настолько она казалась хрупкой и нереальной.

Мальчик, вытаскивающий занозу, тоже был из любимых – он был покрепче, и я иногда играла в него, когда приходила к бабушке в гости.

Но оставлять их себе... Если начать сомневаться, я так и не смогу отдать ни единого лоскутка ткани. Мумифицируюсь среди драконьих сокровищ, сама превратившись до срока в старого дракона.

Я дожевывала последний кусок пиццы, когда раздался очередной звонок.

– Алло! – Я подавилась и закашлялась. – Извините! Что вы хотели?

– Мы с вами договаривались, что я заеду в десять за пластинками, – ответил веселый мужской голос. – Я на месте. Жду.

– О, отлично! – Я отложила стопку тяжелых пластинок в ветхих конвертах, подписанных фиолетовыми чернилами еще с утра. – Сейчас спущусь. У вас какая машина?

– «Мазератти», – сообщил голос.

Я чуть не поперхнулась опять.

Надо же, парни на таких тачках что-то покупают на «Авито», удивительно.

– Синяя, – уточнил будущий покупатель.

Да уж, у нас во дворе прямо заблудиться можно в этих мазераттах...

Стопка пластинок оказалась намного тяжелее, чем я думала, но не успела я сделать и пяти шагов от подъезда, заваливаясь на сторону, как хлопнула дверца машины и ко мне подскочил высокий мужчина в пиджаке с короткими рукавами.

– Я Кирилл, – представился он сразу, подхватывая ручки сумки. – Мы с вами только что разговаривали. С вами же? Вы Варвара? Это пластинки?

– Со мной... – я выпрямилась и выдохнула, разглядывая его с неприличным любопытством. – Пластинки. Там, знаете, Утесов, хор еще какой-то, «Черная ночь»... ну, я писала вам. Надеюсь, там окажется что-нибудь для вас ценное.

– Да я не себе! – Кирилл заразительно засмеялся и легко махнул сумкой, взвешивая ее на вытянутой руке. Волосы у него были рыжие, похожие на медную проволоку, и завернуты по современной моде в гульку на макушке, улыбка обаятельная, а глаза прятались за круглыми темными очками. – У меня брат любитель. У него скоро день рождения, и этот старый хлам – единственное, что его порадует. Поверьте, я все перепробовал. Однажды даже яхту подарил. Ноль эмоций. Зато как пластинки увидит – глаза горят и трясется весь.

– Надеюсь, про яхту шутка... – пробормотала я. – Хотя коллекционеры – они такие.

– Ой, чуть не забыл! – Кирилл достал из кармана пиджака телефон. – Сколько я должен? Не помню, какая там цена стояла.

– Ничего не надо! – махнула я рукой. – Если человек так сильно будет рад, что даже яхта меркнет, пусть радуется.

– Спасибо, Варвара, но все же... – Кирилл опустил глаза в телефон и потыкал в экран. – Надеюсь, не сильно промахнулся. Удачного вечера!

И он снова улыбнулся мне, заразительно и ярко, и пошел к своей синей «мазератти», хищно ухмылявшейся радиаторной решеткой со значком-трезубцем.

Я медленно выдохнула. Интересное приключение, можно будет похвастаться Женьке.

Кое-что чужое

Я валялась на горе полотенец, подложив под голову огромную пуховую подушку, найденную в самом дальнем шкафу. Подушка была просто чудовая – огромная, мягкая, в нее можно было провалиться, как в облако. Умели же люди жить! Пожалуй, оставлю ее, не буду выбрасывать.

Женька устроилась на диване, как приличная женщина. Если приличные женщины задирают ноги в черных чулках на стену, «чтобы отдохнули от каблуков». Она придвинула поближе стол, где мы устроили импровизированный бар, и теперь вообще не надо было куда двигаться.

Мы хотели «пьяный девичник», чтобы отметить мое новоселье и не случившуюся свадьбу, – заморочиться с коктейлями и закусками, купить ром, текилу, сиропы, газировку, манговое мороженое, свежую мяту... Но в итоге как открыли бутылку красного, так и забили на все остальное.

Лень.

– Вот эти янтарные бусы мне давали посмотреть только издалека, боялись, что я их испорчу...

Руки дошли наконец до шкатулки с украшениями, и я с удовольствием хвасталась сокровищами, которые теперь по наследству перешли мне.

Завещание мы, конечно, еще не открывали, но мама отдала мне квартиру на разграбление, сказав, что ей вообще ничего не нужно, а я могу делать, что хочу.

– Модненькие! – Женька поймала брошенные бусы и навертела их на запястье на манер браслета. – Ой, смотри, тут в одной бусинке комар залип!

– Я в пятом классе умоляла дать мне его засунуть под микроскоп, – засмеялась я. – Была уверена, что это доисторический комар и он совсем не похож на современных. Наверняка у него в животе кровь динозавров.

– У тебя был микроскоп? Зависть! – Женька потянулась за бутылкой и плеснула в свой бокал еще немного вина. На столе стояли блюда с сыром и нарезанной колбасой, но она ограничилась одной оливкой, ловко закинув ее в рот. Потому что приличные женщины, хоть и задирают ноги на стену, все равно сидят на диете даже во время девичников.

– Бабушка считала, что воспитывать ребенка надо разносторонне, – поделилась я. – Поэтому у меня был и микроскоп, и всякие наборы химикатов, и коллекции камней, и такая штука для игрушечных опытов по физике. И на программирование меня отдали на год раньше, чем на музыку.

– Ты еще и на музыку ходила?

– И на танцы, и на фигурное катание...

Мне очень хотелось бутерброд с колбасой, но продолжать лежать на этой уютной подушке хотелось гораздо больше. Абсолютный разгром в квартире меня ничуть не смущал. Все потихоньку образуется. Я справлюсь. Слона надо есть по кусочкам – разобрать за один день все то, что копилось и пряталось десятилетиями, никому не под силу.

– Разнообразные у тебя интересы, – засмеялась Женька. – Первый раз об этом слышу, а ведь мы дружим уже... сколько?

– Лет семь, – посчитала я на пальцах. – Ну так это все в школьные годы было. И художка была. Все было.

Я медленно отпила глоток терпкого красного вина, покатала его на языке, чувствуя, как оно обволакивает теплом и чуть-чуть вяжущей кислотой.

Все было. Жаль, что я оказалась бездарностью абсолютно во всех областях.

– Смотри! – Я подхватила из шкатулки овальную брошь, расписанную по эмали нежно-пастельными цветами. В завитках оправы из потемневшего металла прятались крошечные фиолетовые камушки. На вид, без экспертизы и опыта, и не определишь, это антиквариат викторианской эпохи или купленная во время отпуска в Анапе безделушка.

– Красиво, – вежливо сказала Женька, бросив на нее мимолетный взгляд. – Но ты давай, кончай мне зубы заговаривать. Мы уже обсудили и бусики, и брошки, и хрусталь. Однако заманивала ты меня историей про богатенького красавца на «бентли»!

– На «мазератти», – поправила я.

– Лишь бы не на «жигулях»! – отмахнулась она. – Ну рассказывай же!

Она даже перевернулась и уселась по-турецки, поправив юбку. Цапнула оливку со стола и кивнула мне.

– Я не говорила, что он красавец, кстати! – попыталась я отмазаться.

– Ха! – Женька аж поперхнулась вином. – Слышала бы ты свой голос по телефону! С таким восторгом и придыханием, как ты в последний раз о Тимочке Шаламе вздыхала.

– Тебе бы не понравился. – Я вспомнила, как выглядит Кирилл. – Ты же консервативная, как вдова генерала. А он такой, знаешь, хипстернутый: одет как бомж, но стоит эта одежда дороже твоей машины.

– Да? – Женька выглядела самую капельку разочарованной. – А тебе, значит, понравился?

Я аккуратно положила брошку обратно в шкатулку, запустила пальцы в глубину, наслаждаясь тем, как скользят по коже гладкие бока коралловых, малахитовых, агатовых бус, – и выудила кольцо с большим темно-красным камнем.

Повертела в пальцах. На внутренней стороне стояла проба – золото? А что за камень? Вдруг это рубин, и я миллионерша? Кто знает вообще, что у наших бабушек хранится в их тайных сундуках? Могут и гигантский алмаз использовать как гнет для капусты, с них станется.

Надо, кстати, будет простучать все стенки в шкафах. Мало ли – там клад!

– Варь? – позвала меня Женька. – Чего молчишь-то? Неужели правда понравился? Глупенький красавчик на роскошной тачке? Я была о тебе лучшего мнения.

– Не, он нормальный! – возмутилась я. – Умный.

– Прямо по лицу видно, что умный? – хитро сощурилась Женька.

Она подтащила к себе бутылку вина, чтобы не тянуться каждый раз. Я вздохнула, погладила свою прекрасную пуховую подушечку и потащилась в коридор за следующей. Хорошо, что сразу заказала несколько штук.

– Что у нас тут? – Я повертела темно-зеленую бутылку. – Мальбек, Аргентина. Пьем?

– Варя! Не увиливай!

– Глупые на таких машинах не ездят... – рассеянно отозвалась я, втыкая в пробку штопор. – Вот и все.

На Женьку я старалась не смотреть.

– Ой, кто только на дорогих машинах не ездит, Варечка, – засмеялась она, одним глотком приканчивая свой бокал и переворачиваясь на спину.

Она подхватила диванную подушку и прижала ее к себе, мечтательно уставившись в потолок.

– Почему ко мне не приезжают богатые и умные на дорогих тачках, а?

– Потому что ты не продаешь винтажные пластинки? – предположила я. – Хочешь, отдам тебе бусики? Выставишь на продажу, вдруг поймает коллекционера с яхтой!

– И с женой, – вздохнула Женька. – Которой он эти бусики и купит.

Я вздрогнула и чуть не выронила бутылку.

Любые упоминания о свадьбах, женах, мужьях, женихах и невестах отзывались внутри острой вспышкой обиды и боли. Или даже горя – словно я навсегда потеряла что-то очень важное и больше никогда это не найду.

Кое-что новое

В понедельник я отправилась на работу. Было искушение использовать мой «свадебный отпуск» по полной программе. Сидеть дома, разбирать вещи, пить вино и есть суши, делать вид, что все в порядке. Но рано или поздно все равно пришлось бы вернуться и отвечать на вопросы, как прошел мой медовый месяц. Лучше уж сейчас – все сразу пережить и двигаться дальше.

Поэтому я написала начальнице, что выхожу, она пообещала разобраться с бухгалтерией, и к восьми утра я появилась в банке, где работала, в белой блузке, темной юбке и с аккуратным макияжем. Как положено.

В сумке пряталась помада, тушь и карандаш для глаз – вместе с салфетками. На случай если я все-таки сорвусь и разрыдаюсь. Надо потом привести себя в порядок.

Никто ничего не спросил.

К клиентам меня ставить не стали, я занималась бумажной работой, бегала на каблуках по коридорам, улыбалась и здоровалась. Только к обеду сообразив, что все встречные отводят глаза и обращаются со мной как с тухлым яйцом. Пока отходила за супом и гречкой с мясом, кто-то положил на мой стол шоколадку. С малиной, мою любимую.

Разговор у кулера при моем приближении затих, но тут же возобновился с новой силой – теперь народ рассказывал анекдоты и делился рецептами.

Я поймала начальницу и строго спросила:

– Что ты им сказала?

Марина Вадимовна, которую мы все называли по имени-отчеству, но почему-то на «ты», пожала плечами:

– Всю правду и ничего кроме правды. Варь, я считаю, что люди лучше, чем ты о них думаешь. Они вполне способны понять, что ты чувствуешь.

– Спасибо... – задумчиво сказала я. – Наверное.

Она только усмехнулась и, развернувшись на каблуках, пошла обратно в операционный зал. Уже оттуда донеслось ее шипение: «Иванова, где твой мозг?!»

Мы за глаза называли ее Гюрзой за вот этот свистящий шепот, который отлично вливается в уши работникам, но никогда не доходит до клиентов, словно пластиковые прозрачные перегородки начисто отсекают эту частоту.

Но люди, оказывается, очень многогранны. Еще месяц назад Гюрза лишила меня премии за то, что я трепалась с девчонками о своей свадьбе прямо во время работы, а сегодня вот, пожалела.

– Кстати! – Она вдруг снова выглянула в коридор. – Премию твою я восстановила. Иди работай, Варь.

Пришлось спрятаться в туалете и все-таки воспользоваться и салфетками, и тушью.

По дороге домой я забежала в супермаркет. Питаться бабушкиными запасами тушенки казалось мне все-таки упадничеством. То ли дело купить что-нибудь в кулинарии. Рыбку запеченную или салатик...

Но посмотрев на сваленные на подносах куски этой рыбы, на заветренные салаты, я вдруг испытала острое отвращение к еде, приготовленной чужими руками. Я готовлю вкуснее. Даже Костя это признавал, хотя пару раз попытался высказаться на тему, что мама его по-другому делает сырники. Но покосившись на сковородку в моей руке и оценив выражение лица, больше такого не повторял.

Поэтому я решительно отказалась от упаднических настроений и пошла в мясной отдел. У меня были сохранены в файлике интересные рецепты, которые я собиралась опробовать уже в новой семейной жизни, удивить мужа своими способностями.

Лук, бекон, морковь, травки...

Конечно, меня ждут еще горы и горы неразобранных вещей, но сегодня вечером я отвлекусь от уборки квартиры и погружусь в кулинарный экстаз. И все только мне одной!

Кстати!

Я свернула в кондитерский отдел. Коробка с микро-пирожными фабрики «Север» ждала меня там же, где и всегда. На нижней полке, перевязанная розовой лентой. Я не особо увлекаюсь сладостями, но всегда мечтала принести целую коробку, поставить на стол и вечером, когда буду пить чай, выбрать себе любое из пирожных. Любое. Какое захочется именно в этот момент. И съесть его. И второе такое же, если захочу. Не делиться и не приходить с чашкой чая к полупустой коробке, потому что Костя увлекся фильмом и под шумок умял все, что попало под руку.

В семье надо всем делиться. Я совсем не против – правда. Это не самая большая плата за то, чтобы было кого обнять, когда вдруг станет грустно, или вместе весь вечер ржать над тупыми мультиками. Но раз уж семья мне больше не светит в ближайшее время, можно и оторваться!

Я взяла одну коробку, посмотрела на нее, вздохнула... и взяла вторую. И вовсе не засохнут, как говорил Костя. А если засохнут – выброшу!

Квартира встретила меня запахом затхлой ткани, лекарств и почему-то герани, хотя у бабушки были сплошь фиалки и одно алоэ: она отрезала от него кусочки и закапывала сок в нос во время простуды.

Вокруг был разгром и бардак: у окна я устроила себе гнездо из одеял, на диване высились стопки покрывал и постельного белья, всюду стояли коробки, шкафы были распахнуты. На несколько минут я впала в отчаяние. Никогда, никогда, никогда я не разгребу это все. Никогда я больше не устрою свою жизнь так, как мне хочется. Все пропало. Все ужасно.

Доползла до кухни, уронила сумку с продуктами на пол и горько расплакалась.

Фиалки смотрели на меня с сочувствием, буфет позванивал стеклами, вечернее солнце равнодушно заливало старую кухню теплым светом.

Плачь – не плачь, утешить все равно некому.

Поэтому пришлось подняться, достать из сумки продукты, переодеться в домашнее и начать готовить.

Что там по рецепту? Обжарить бекон, потом овощи, потом мясо... Черт, а плита замурзанная-то какая! У бабушки, наверное, не было сил оттирать вековые наслоения жира. Или она их уже просто не видела. Ладно, плита потом.

Я включила музыку на телефоне, поставила его на подоконник и принялась нарезать продукты. Веселый ритм совершенно не подходил к моему унылому настроению, но я упорно не переключала, зная, что от грустной музыки расстроюсь еще больше.

Попутно отмыла раковину, столы и холодильник снаружи. Хищно посмотрела на сушилку и буфет, но решила пока остановиться на этом. Загрузила мясо, бекон и овощи в кастрюлю с толстым дном, щедро залила хорошим вином – половину в будущее блюдо, половину в себя – и решила попутно еще пофотографировать то, что собираюсь отдать.

Интересно, кому-то нужны мои детские энциклопедии про растения, животных, космос? Сейчас, наверное, можно купить что-то получше. А куклы советских времен? Возможно, коллекционерам пригодятся.

Я вспомнила Кирилла и его брата. Уверена, есть сумасшедшие, которым это интересно. Где-то на антресолях еще должна быть елка и игрушки к ней. Старые, еще из бабушкиного детства. Или их не отдавать?

А вот радиолу точно придется. Куда мне эту дуру девать? Она огромная и бесполезная. Была бы у меня дача, я бы ее сохранила, а пока мне и пианино хватит, про которое мама

аккуратно узнала, не собираюсь ли я его продавать. По ее тону я поняла, что, в отличие от всего остального, судьба пианино ее все же волнует. Я решила пока с ним ничего не решать.

Зато кукол отщелкала, красиво расставив на вышитых подушках. Поколебавшись, добавила и энциклопедии. И под конец выставила радиолу, под крышкой которой нашлась еще пара пластинок без конвертов, прямо так оставленных в проигрывателе.

Их тоже сфотографировала, хотя по вытертым этикеткам было совершенно непонятно, что там записано. Так честно и предупредила. Включать радиолу и выяснять не было никаких сил.

Не успела я вернуться на кухню, чтобы проверить, побулькивающее под крышкой мясо, как музыка, льющаяся из телефона, притихла и он завибрировал, высвечивая незнакомый номер.

– Привет! – сказал голос в трубке. – Это Кирилл, я вчера заезжал. Что ж ты сразу не сказала, что у тебя еще пластинки есть? Радиолу тоже возьму.

– Я не знала, что...

– Через час приеду, – бескомпромиссно заявил он.

– Мне сейчас неудоб... но... – договаривала я в уже замолкший телефон.

Профессионал бардака

– Спускайся, я на черном «бентли», – сообщил Кирилл через полтора часа.

Так, а куда «мазератти» делся? Хотя «бентли» даже лучше.

Я тихонько хихикнула, сдула волосы со лба и воспротивилась:

– Не могу, у меня тут процесс!

– Какой? – заинтересовался Кирилл. – Хотя неважно, говори квартиру, я поднимусь.

Радиолу ты одна точно не утащишь.

Пока он поднимался, я успела стащить резиновые перчатки, в которых драила духовку, сделать огонь под мясом чуть побольше и даже причесаться – хотя это уже в последнюю секунду.

Зато не успела перетащить радиолу в коридор, поэтому пришлось сразу сказать:

– Проходи, но прости за бардак, пожалуйста.

Кирилл послушно прошел в комнату, сдвинул темные очки на лоб, открыв веселые глаза, огляделся по сторонам и сообщил:

– Вот это ты считаешь бардаком? Милое летнее дитя! Поверь, профессионалы способны на большее! А я – профессионал!

Он, кстати, при этом весьма профессионально обогнул завалы коробок, стопок книг и сваленных в кучу подушек, пройдя между ними точно и аккуратно, как кот. Подхватил радиолу, стоящую у окна, еще раз обвел взглядом разгромленную комнату и ухмыльнулся.

– Тут не хватает пустых бутылок, смятых сигаретных пачек и пепла в тарелках с засохшей едой, – сообщил он озабоченным тоном пожарного инспектора.

– Бутылки я уже выбросила, – ляпнула я, не подумав.

– Вот! – Кирилл прошел в коридор, поставил радиолу, открыл ее и посмотрел на пластинки внутри. – Ага. Вот! Вот поэтому тебе не достигнуть тех высот, что могла бы. Ты слишком рано начинаешь убираться.

– Да я к этим высотам и не стремлюсь...

– А зря! – фыркнул он. – Во всем надо стремиться к совершенству. Если уж бардак – пусть это будет эпический бардак, о котором свидетели будут спустя десятилетия рассказывать, почтительно понижая голос.

Я не выдержала и засмеялась.

Он был такой забавный, что я даже перестала робеть в его присутствии. Все-таки не каждый день встречаешь человека, который дарит кому-то на день рождения яхту. Человек из другого мира. Боюсь, я испытывала к нему что-то близкое к пиетету: нашим миром правят деньги, а кто правит деньгами, тот по определению выше простых смертных. Наверное.

И вот такому человеку вдруг понадобилось что-то от простой девушки Вари. Пусть даже старые пластинки.

Тревожно и нервно. И самую чуточку некомфортно.

Кирилл вдруг замер и принялся.

– Вкусно пахнет, – сообщил он. – Что это у тебя там?

– Там... – Я оглянулась на кухню. Почти забыла о своем кулинарном подвиге, прыгая тут на задних лапках перед господином с яхтой, «мазератти» и «бентли». – Готовлю. Беф бур-гиньон.

– Оу! Круто! – восхитился Кирилл. – Хорошо готовишь? Судя по запаху – высший класс.

– Ну, я немного умею, но это эксперимент, первый раз пробую. Может, еще и не получилось, – начала я оправдываться.

– Эксперимент – это хорошо. Давай я как независимый свидетель продегустирую и скажу, как получилось. У меня большой опыт.

– Ой, нет! – испугалась я. – Тебе точно не понравится. Это же простая домашняя еда, я не заморачивалась!

Хотя, конечно, заморачивалась. И букет гарни набрала, и грудинку тщательно выбирала, и даже лук взяла не абы какой, а мелкий нежный шалот.

– Домашняя еда в Италии намного вкуснее ресторанной в Москве, это не показатель.

– Но я... я не... – растерянно забормотала я.

– Я напрашиваюсь, если ты не заметила, – беззастенчиво сообщил Кирилл. – Так что у тебя есть только два варианта. Либо пригласить меня наконец, либо напрямую отказать. Вежливо отмазаться не получится.

Да я уже поняла.

– Ну, если хочешь, давай! – расхрабрилась я. – Но за последствия я не отвечаю!

– Если ты не добавила туда какой-нибудь ядреный мексиканский перец, последствия не могут быть очень уж катастрофическими.

– Только французское вино, – сказала я. – Честное слово. Остальное все родное.

– Было бы неловко, окажись во французском блюде испанское вино, – заметил Кирилл и ушел снимать кроссовки.

Вернувшись, он обвел внимательным взглядом кухню, и я даже испугалась на мгновение, ожидая увидеть на его лице презрение к убогой обстановке, грязным шкафчикам, допотопной плите и ремонту тридцатилетней давности. Но заметила только любопытство. Особенно его заинтересовал буфет – он, кажется, едва удержался, чтобы не выдвинуть пару ящичков. Но взял себя в руки и устроился за столом, безошибочно определив, где мое любимое место, и выбрав другое.

От смущения я не знала, куда себя деть, и пошла засовывать нос в кастрюлю. Как там мое ресторанное блюдо? Долго ему еще? По времени вроде пора выключать, два-три часа уже томилось. Но раз у меня такой строгий критик завелся, надо постараться не ударить в грязь лицом. Пусть еще побулькиет на всякий случай.

– У тебя очень сосредоточенный вид, – заметил Кирилл. – Как будто ты вычислила все до мелочей. Соль отсчитывала по крупинкам и нарезала мясо с линейкой.

– Конечно! – сказала я. – Строго по рецепту. А то заменишь устриц килькой – и уже не то! Кирилл засмеялся, показывая крупные белые зубы.

– А я готовлю интуитивно. – Он устроился на расшатанной табуретке с таким удобством, будто это было роскошное кресло. – Главное – запомнить принципы, а дальше только импровизация.

– Ты умеешь готовить?

– Немного, – пожал он плечами. – Когда есть повод поалхимичить и забабaxать что-нибудь интересное. Каждый день варить макароны и жарить котлеты я бы не смог.

– Жену, значит, эксплуатируешь, – ляпнула я и мгновенно прикусила язык.

Потому что это был порыв, под которым пряталось – довольно плохо пряталось! – желание аккуратно выяснить, есть ли у него эта жена. Кольца на безымянном пальце не видно. Зато на большом – строгий черный ободок. Но это ни о чем не говорит, мало ли почему человек не носит кольцо.

Короче, спалилась я красиво. И была благодарна Кириллу, что он не стал это никак комментировать.

– Не женат, – развел он руками. – И не собираюсь. Так что жалеть тебе некого.

Я смущенно отвернулась, упершись взглядом в экран маленького телевизора, стоящего на холодильнике. Древнющего – ужас, с выжженным кинескопом, потерявшим синий и желтый цвет. Но это было неважно: я включила его, пока убиралась, только чтобы он бормотал что-нибудь, создавая иллюзию, что я не одна.

И вот там-то, на тусклом экране, я и заметила...

– Смотри! – обрадовалась я тому, что можно сменить тему. – Как ведущий на тебя похож! Ну смотри, смотри, реально же!

– А. – Он бросил короткий взгляд на телевизор и пожал плечами. – Наверное, потому что это и есть я?

Коллекционер свадеб

– Ты? – изумилась я, до рези в глазах всматриваясь в мутную фигуру на экране, размахивающую руками как мельница. Схватила пульт и сделала погромче. – Серьезно?!

– И наша победившая пара отправляется на остров в Тихом океане! Романтичные каникулы, белый песок, бирюзовая вода, полное одиночество... Если не считать симпатичных рыбок, которые будут за вами подглядывать. Узнаете друг друга поближе! А потом я вас на этом острове и поженю! – бодрым голосом завлекал Кирилл на экране.

– На остров? – ахнула я. – И ты прямо поженишь? Но как?

– Ага, на необитаемый остров. Мой личный, – серьезно кивнул Кирилл, сидящий у меня на кухне. – Поэтому как его губернатор, мэр и глава церкви имею право заключать браки.

– У тебя есть личный остров? – все еще не могла я уместить это в голове.

– Это не так дорого, как ты думаешь, – как будто смущенно попытался оправдаться он. – Не туристическое место, сложно добираться. Кому он нужен?

– И ты ведущий шоу «Остров для двух сердец»? – спросила я совершенно очевидную вещь. – Никогда бы не подумала... То есть твое личное шоу и ты отправляешь победителей на свой личный остров? Вот так развлечение! Зачем это тебе?

– Люблю смотреть на счастливых людей. – Кирилл улыбнулся широченной улыбкой. – Как они находят друг друга, как впервые смотрят в глаза, еще не понимая, что влюблены... Знаешь, первые дни и недели от влюбленных шарашит такой энергией – можно было бы замечать целую АЭС, если научиться ее извлекать!

Я завороченно смотрела на него. Взрослый, матерый даже мужик за тридцать – и рассуждает о любви с мечтательной улыбкой.

– Я лет в двадцать играл в одну онлайную игрушку и стал там священником. Вообще-то для того чтобы эффективнее крошить в капусту нежить, но к профессии прикладывалась возможность заключать браки между игроками. Ну мне же скучно было просто жмякнуть две кнопки – вот я и стал произносить речи, требовать от молодых писать клятвы... Там, конечно, игровой брак давал какие-то плюшки, но ко мне приходили те, что правда хотели церемонию, кто правда был влюблен. И это было так обалденно! Многие из них потом и в реале женились и даже приглашали меня на настоящую свадьбу!

У него было такое светлое лицо...

– Ого... – ошарашенно пробормотала я, не зная, что сказать, от смущения при виде таких искренних и ярких эмоций. – А потом ты вырос и купил себе остров, чтобы женить всех по настоящему?

– Не только остров. Еще круизный лайнер, – начал перечислять Кирилл. – Побывал начальником экспедиции, получил право заключать браки в Лас-Вегасе, стал священником одной смешной религии, до кучи зарегистрировался во всех играх, где есть брак, чтобы продолжать и там женить.

– Да ты коллекционер! – покачала я головой, чувствуя, как подступают к глазам слезы. – Как твой брат, только круче.

– Можно и так сказать... – Кирилл задумался на мгновение. – Да, пусть буду коллекционер! Только моя коллекция самая охрененная в мире. Никакие наркотики не сравнятся с таким приходом – когда двое смотрят друг на друга и в этот момент уверены, что будут вместе всегда. Что справятся с любыми трудностями, лишь бы быть рядом! Силой любви людей, стремящихся друг к другу, можно прокладывать дороги в космосе! Только научиться бы – а энергии хватит. Эй! Варвара! Ты что?! Плачешь?!

– Нет... – соврала я, размазывая горячие слезы по щекам. – С чего бы мне плакать? Это же так... ми-и-и-ило...

И я закрыла ладонями лицо, позорно всхлипывая и хлюпая носом.

– Варвара! – Кирилл заволновался, вскочил с табуретки и шагнул ко мне, кладя руки на плечи. – Я что-то не то сказал? Прости! Не плачь, пожалуйста! Что случилось? Ну скажи! Что тебя расстроило?

– Не расстроило... – От его участия я совсем расклеилась и рыдала уже в голос. – Я просто... Нет, неважно. Я... Я замуж хочу-у-у-у!

– Внезапно! – Обалдевший Кирилл даже сделал шаг назад. Зарылся пальцами в свою шевелюру, растрепывая гульку на макушке. – А что мешает?..

Я отвернулась и, спохватившись, выключила газ под кастрюлей с мясом.

– Долгая история... – сказала, не глядя на него.

– Люблю длинные сказки, – заявил Кирилл, с комфортом уминаясь опять на табуретке. – Выкладывай.

Я прерывисто вздохнула, отмотала кусок бумажного полотенца и вытерла слезы. Хотелось высморкаться, но неловко было при нем. Щеки горели от соленых слез и от стыда.

– Меня жених бросил, – вздохнула я. – Прямо в загсе.

Кирилл присвистнул:

– Вот дает. А чего так?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Не знаю!

– Никаких предпосылок не было?

– Вообще никаких! Мы строили планы, хотели в отпуск слетать, на Мальдивы! Там красиво и море! Как у тебя на острове. Даже лучше. И ремонт даже сделали. Костя кредит обещал взять мне на машину, чтобы я на работу ездила, хотел красивую какую-нибудь, удобную. Летом в Карелию поехали бы, к его бабушке. Дети... – Я всхлипнула. – Не сейчас, но через пару лет обязательно...

Кирилл смотрел на меня молча, склонив голову набок. Медно-рыжие волосы блестели под ярким светом кухонной лампы. Этой рыжиной он почему-то напоминал мне восточные статуи – Будды или других богов. И внушал доверие. Непонятное. Едва осознанное.

– Карелия, Мальдивы, машина, дети... Я слишком давила, да? – спросила я его, как будто он мог ответить точно. – Но он же сам сделал мне предложение! В Питере, на набережной, напротив Летнего Сада! Знаешь, как я плакала!

– Вижу, – с теплой полуулыбкой сказал Кирилл. – Плачешь ты отпадно. История треш, конечно.

– У тебя, небось, никто прямо от алтаря не сбежал! – фыркнула я. – Одна я какая-то неправильная!

– Пфффффф... – Кирилл закатил глаза. – Еще как сбежали! Куча идиотов!

– Серьезно? – не поверила я.

– Слушай, чего только не было! Несколько раз женихи просто не появлялись – это лучший вариант! Куда хуже было, когда прямо на свадьбе появилась настоящая жена жениха и сказала, что он уже в браке. Так он буквально бежал, аж в окно выпрыгнул. Еще был жених, который вместо клятвы заявил, что его любовница беременна и женится он лучше на ней. Одного мама отговорила за те две минуты, что невеста шла к алтарю, – сказала, что она анорексичка, видно же, не родит тебе здоровых детей. И он согласился!

– А невесты сбежали? – заинтересованно спросила я. Мое любопытство прорывалось даже сквозь слезы.

– Конечно! Прямо вот чтобы совсем не явиться – это редко. Хотя один жених успел подумать, что его бросили, пока беременная невеста блевала в туалете от токсикоза. Но та, что заявила, что уходит в монастырь, села обратно в лимузин и правда уехала, – по-моему, круче отожгла. Была такая, что притащила на свадьбу свою кошку, будущий муж сказал, чтобы она

хоть на пару минут от нее отвлеклась, посмотрела на него, – так она обиделась и сказала, что кошка ей дороже!

Я уже хохотала в голос: очень уж он уморительно это рассказывал. С крайне серьезным видом, хотя улыбка то и дело пробивалась сквозь рыжую щетину у него на морде.

– Бывало, отменяли свадьбу за день, за час, за три минуты, потому что кольца потеряли – а значит, не судьба! Так что ты совсем не одинока, Варвара. – Кирилл ободряюще мне кивнул. – Твой-то почему передумал?

– Не знаю... – Я снова расстроилась. – У меня есть видео, где он говорит, но я не смотрела еще.

– Давай посмотрим?

Я задумалась.

Может, пора?

Сколько можно тянуть?

Ведь ответ не изменится. Ничего не изменится. Чуда не случится.

Но чем больше я об этом думала, тем сильнее меня охватывал страх.

Я ведь держусь пока только на том, что мне надо разобрать квартиру, что надо ходить на работу, – и вот на таких мелочах, как этот дурацкий разговор. Но Кирилл сейчас уйдет, а я останусь один на один с правдой – и не уверена, что я ее вынесу.

– Нет! – резко ответила я. – Нет. Я еще не готова!

– Как скажешь, – спокойно отозвался он, откидываясь на стену. И замолчал.

Так мы и молчали много долгих секунд. Он – спокойно, я – комкая в руках кухонное полотенце и все больше напрягаясь.

– Ты все еще хочешь мой биф-бургиньон? – спросила я донельзя фальшивым голосом.

– Ты так это сказала, что я даже возбудился, – понизив голос, сообщил мне Кирилл. – Твой биф-бургиньон, ммм... Шучу! – поднял он ладони вверх, увидев испуг на моем лице. – Конечно хочу. Но, наверное, не сейчас, Варвара. Мне кажется, неподходящее время для посиделок со вкусной едой.

– Жаль... – сказала я искренне.

Правда было жаль.

С ним мне было весело и легко – и забывалось даже, что я какая-то неправильная. Брошенная невеста. Никому не нужная.

– Все будет хорошо, Варвара, – сказал Кирилл, поднимаясь. – Я тебе обещаю.

Даже и не спросишь, кто он такой, чтобы обещать.

– О, пирожные! Можно я... – Кирилл открыл коробку и достал оттуда маленький эклер. – ...уже утащил?

– Да, да, конечно! – вежливо улыбнулась я.

Он быстро натянул кроссовки, перевел мне деньги за радиолу, подхватил ее и ушел.

На этот раз, видимо, навсегда.

Только его голос остался – в хриплом динамике маленького телевизора. И тень на экране, потерявшая синий и желтый цвета, но все еще бодро машущая руками перед зрителями в студии.

А вот эклера больше не было!

Тайные сокровища

Горы барахла в квартире медленно, но неумолимо таяли. Вечерами раздавались звонки: забирали и детские энциклопедии, которые я читала еще дошкольницей, дорисовывая на каждой картинке солнышки и котиков.

Забирали суровые простыни, на которых я бы не рискнула сейчас спать: кажется, о них можно стесать кожу, как наждаком, – но в приютах для животных пригодятся и такие. Забирали стеклянные банки, отрезки ткани, собрания сочинений забытых советских писателей, детские санки... даже ржавый топор – и тот кому-то понадобился!

На обнажившемся дне этой сокровищницы нашлись настоящие драгоценности.

Например, резиновый жираф, которому было столько же лет, сколько мне. Левое ухо его было безжалостно погрызено: мама говорила, что никакие другие прорезыватели зубов я не признавала.

Или замусоленные игральные карты – колода была неполной, но я придумывала свои собственные правила, чтобы обойтись без дамы пик и валета червей.

Фотоальбомы с черно-белыми снимками незнакомых мне людей. На обороте были подписи: «Коктебель, 1978», «Новороссийск, лето-80», «Валерия Павловна с внучкой». Страницы семейной истории, о которой я уже никогда не узнаю. Фото молодого дедушки – ух, красавец он был! Я бы запала мгновенно!

– Мам! Тебе фотки бабушкины нужны? Если нет, то куда их девать? – позвонила я как-то вечером маме.

– Нужны! А там прадедушкины медали не находились?

– Эммм... – Я обвела взглядом разгром. – А где они должны быть?

– Где-то в секретном месте, где прятали самое ценное.

– Ничего особенно ценного пока не находила, – призналась я. – Какие идеи есть?

– Попробуй под шкафами пошарить.

– Они же сплошные!

– Нет, там внизу такие заглушки стоят, открываешь их – и есть пространство, чтобы спрятать что-нибудь.

– С ума сойти... – восхитилась я. Опустилась на пол, так и держа телефон у уха, потрогала низ одного из шкафов «стенки» и нащупала выемку. Надавила на нее – длинная планка-заглушка скрипнула и отвалилась. – Реально, слушай!

– Что там? – заинтересовалась мама.

– Та-а-а-ам... – Я пошарила в пыльной темноте. Ухватила что-то тяжелое и потащила на свет божий. – Книга. «Любовник леди Чаттерлей». Думаешь, сокровище?

Я пролистнула книгу, надеясь, что внутри будет что-нибудь скрыто между страниц, но ничего не нашла.

– Ха, – сказала мама. – Так вот где они ее прятали!

– Кто?

– Родители... – вздохнула она. – Когда застукали меня за разорением семейной библиотеки и сказали, что мне такое еще рано. Потом долго искала, но так и не нашла этот роман. Прочитала, когда уже тобой была беременна. Ничего особенного.

– Да уж... – Я отложила книгу в сторону и перебралась к следующему шкафу. – Что тут у нас... О! Ого! О-го-го!

– Что-что-что! – заволновалась мама.

– Не скажу! – из вредности заявила я.

– Я тогда сейчас приеду!

– Ой, нет! Ну... Короче, тут медали, ага. Несколько коробочек прямо. И что-то в плотной упаковке, погоди, разорву. Фига себе!

– Ну?!

– Деньги, мам. Прямо дофига денег.

– Надеюсь, не старые советские? – подозрительно спросила мама.

– Нет, что ты! – с фальшивой бодростью заверила ее я. – Постсоветские. Еще не деноминированные, с ноликами.

– Бли-и-и-и-ин!

– Вот так накрылась мечта обнаружить наследные миллионы, – покивала я.

Под другими шкафами ничего не было. Так что самой большой ценностью оказался прадедушкин орден. Ну... я никогда не думала, что однажды стану наследницей древнего замка, конечно...

– Кстати, мам, – сказала я, передавая ей коробочку с наградами и фотоальбом. – У тебя старых пластинок не осталось нигде?

– Пластинок? – Она удивилась. – Нет, наверное. У меня были какие-то сказки детские, но мы их переписали на кассеты, а потом купили диски тебе уже.

– Да? А старых совсем, на 78 оборотов, нет?

– Варь, ну ты чего? Сама знаешь все, что у нас есть, не так давно ты съехала-то, – с упреком сказала мама. – Зачем тебе вообще старые пластинки?

– Низачем! – быстро сказала я. – Просто любопытно было. Давай лучше альбом посмотрим. Кстати! Я хотела забрать свои детские фотки у тебя!

– Ой, это на антресолях! – сразу же переключилась мама. – Полезешь сама?

– Полезу!

Домой я возвращалась, пытаюсь катиться по местности, как колобок. Мама почему-то решила, что я голодаю, и впихнула в меня две тарелки супа, три котлеты и еще блины со ступенкой. Зато к груди я прижимала розовенький фотоальбом, в котором была отражена вся моя жизнь с рождения до совершеннолетия. Со смешными подписями и рисунками маминой рукой.

Сегодня вечером я намеревалась его пересматривать, рыдать и спрашивать себя, в какой момент моя жизнь пошла не туда. Может быть, если бы я не заболела в старшей группе детского сада и сыграла Снегурочку на новогоднем утреннике, я была бы уверенной в себе красоткой, которую никто не посмел бы бросить? Или надо было попроситься в палатку к самому красивому мальчику в классе, когда мы ходили в поход? У меня сохранилась фотка, где он обнимает мою школьную подругу, которая не испугалась – и они поженились сразу после выпускного. А может, стоило согласиться с мамой и сделать пластику ушей? У меня есть фотография, на которой они топорщатся и аж просвечивают.

Поступить в другой институт?

Пойти работать не в банк, а секретаршей?

Не бросать своего первого мужчину?

Даже с Костей мы бы не познакомились, если бы однажды в мае я не поехала в Коломенское фотографировать яблони в цвету.

Эти фотографии у меня на флэшке, хотя я собиралась их распечатать и развесить по квартире. Розово-белые крепкие цветы на корявых стволах яблонь, выстроившихся рядами. Несколько штук в рамках смотрелись бы отлично. Но закрутился роман с Костей, и я забыла... А потом мы стали жить вместе, и в его квартире я не решалась хозяйничать. Разве что вот шторку купила и авокадо вырастила.

Авокадо...

Я вздохнула.

Среди моих вещей его не оказалось. Горшочек с ростком остался на кухонном подоконнике в квартире, ключи от которой я передала курьеру. И все, расплевались.

Позвонить и попросить Костю вернуть мне мой авокадо?

От одной мысли меня чуть не стошнило.

Но жалко было бы прощаться с мамиными котлетками.

Дома я свалилась на диван и от нечего делать начала фотографировать уже просто все подряд, что у меня валялось на расстоянии вытянутой руки. Старый утюг, который надо было греть на плите, коробку с диафильмами, соломенную шляпку с выцветшей розовой лентой, одеколоны и духи, которые пахли старомодно и уныло, корявые глиняные вазочки и часы, которые надо было заводить маленьким медным ключиком.

Стоило мне запостить на «Авито» весь этот хлам, как тут же раздался звонок.

– Привет! – сказал Кирилл, которого я сразу узнала.

– Пластинок больше нет, – грустно ответила я.

– Вообще-то я за одеколоном. «Северный», который с белым медведем. Ты знаешь, что его дизайн разрабатывал Малевич?

– Нет... Ну и что? Его много кто продает... – пробормотала я.

– Ты на фото посмотри внимательно! У всех грани айсберга вогнутые, а у твоего выпуклые! У тебя дореволюционная версия! Снимай немедленно, я сейчас за ним приеду!

– Что снимать? – спросила я, предварительно убедившись, что Кирилл уже отключился.

И хихикнула.

Не модель

В этот раз Кирилл даже не стал тратить время на то, чтобы позвонить по телефону, – он сразу нарисовался у двери. Я вздрогнула от переливчатой трели. Мне еще никто в дверь не звонил. Пока бабушка была жива и в квартире вечно болтал телевизор, перекрикивая радио, шипело и булькало на плите, шумела стиралка или лилась вода, да и сама бабушка непрерывно болтала, звонок казался намного тише. Сейчас он ввинтился в мозг, раскатился эхом и заставил забиться от испуга сердце.

– Привет, – заявил Кирилл, отлипая от стены. – Снова я.

Нет, сердце у меня забилося точно от громкости звонка, ни от чего другого!

– Привет, – кивнула я и опустила глаза. – Сейчас принесу. А флакон тоже брату в коллекцию?

– Нет, флакон мне. Красивый и редкий. Должен же я начать коллекционировать антиквариат наконец, деловые партнеры уже с упреком смотрят, выбиваюсь из трендов.

– А... – Я неопределенно качнула головой, не понимая, шутит он или серьезно. – Ну да. Наверное.

Кирилл шагнул в прихожую и принялся стаскивать кроссовки.

– Что на ужин? – спросил он деловито.

Я снова зависла на середине намерения пойти наконец за флаконом.

– Ничего...

– Жаль! – улыбнулся он во всю пасть. – Я про твой биф-бургиньон целую ночь думал!

Он ведь опять шутит?

Черт, я чувствовала себя такой тупой и медленной – никак не удавалось догнать его мысль.

– Я могу быстро что-нибудь приготовить, если ты голодный, у меня все нужное есть.

– А давай! – хлопнул в ладоши Кирилл. – Я руки помою? И в туалет хочу – сил нет, застрял в пробке на МКАДе рядом с автобусом, ни выйти, ни в бутылку поссать, из всех окон бабульки пялились.

Я издала неопределенный звук, но он уже обнаружил ванную и оттуда послышался шум воды. Пришлось идти на кухню инспектировать холодильник.

Могу ли я поразить Кирилла кулинарными изысками или только зря выпендривалась?

Поразить хотелось. Все знакомые уже пробовали мои коронные блюда – и добросовестно восхищались. У меня просто кончились друзья, которые могли бы впечатлиться. А тут новый подопытный появился!

К моменту когда Кирилл появился на кухне, у меня уже вовсю кипела вода для спагетти, на сковородке подрумянивались креветки в компании с зубчиками чеснока, а в маленькой кастрюльке булькала залитая сливками горгонзола, уже почти превратившаяся в восхитительный соус.

Я выбрала самое быстрое из поражающих блюд. Для остальных надо было заранее запастись ингредиентами, а тут уже все было. Даже груши, которые я нарезала тонкими ломтиками, пока спагетти доходили до кондиции.

В общем, заняло все от силы десять минут – и я поставила перед Кириллом тарелку.

– Паста с креветками под соусом блючиз с грушей, – представила я ему свое блюдо.

Себе тоже положила, я не дура от такой вкуснятины отказываться.

Судя по затрепетавшим ноздрям Кирилла – он тоже не дурак, в еде и правда знает толк.

– Ммм... – простонал он, отправив в рот первую порцию спагетти. – Обалденно! Так, все, не отвлекать, я занят!

Я изо всех сил постаралась стереть с лица неприлично довольную улыбку, но не получилось. Ладно, пока тоже поем.

Кирилл управился быстрее меня – подхватил вилкой последний полупрозрачный ломтик груши, искупал его в остатках соуса и с видимым сожалением отодвинул тарелку. О, я знаю этот взгляд! Абсолютно все хотели добавки – но я точно рассчитывала размер порции, которую способен пережить нормальный человек. Даже если глазами ему хочется сожрать в два раза больше.

– Ты просто потрясающе готовишь! – Кирилл откинулся на табуретке и мечтательно посмотрел в сторону пустой тарелки. – Теперь я еще больше жалею, что тогда не остался. Дурак был твой жених! Такую женщину надо хватать и тащить в пещеру, пока она не очухалась!

Слезы брызнули у меня из глаз без предупреждения. Только что я была горда, довольна, наслаждалась вкусной едой и улыбалась – и хоп! – открыли шлюзы, в горле застрял горький комок и совершенно пропал аппетит.

Я молча отодвинула тарелку.

Кирилл поймал мою руку и накрыл ее. Так же молча. Ожидая, пока иссякнет фонтан.

А потом тихо сказал:

– Не расстраивайся ты так из-за дурака, Варвара. Прикинь, каким бы он был хреновым мужем?

– Зови Варей, что ли... – сказала я, вставая и собирая тарелки. Кирилл в последнюю секунду ловко выхватил с моей одинокую креветку и забросил в пасть.

– Неа, мне нравится твое полное имя, – заявил он. – Вар-вар-а-а-а... Такое воркующее. Меня можешь называть Кирилл или Кир. Только не Киря.

Он поморщился.

– Угу, – сказала я.

Все еще было грустно. Я счистила остатки еды в мусорное ведро, поставила тарелки в раковину и начала прибираться после готовки. Сковородку, кастрюли – тоже в раковину, очистки креветок и чеснока – в мусор, протереть столы...

– Сколько тебе лет? – вдруг спросил Кирилл из-за спины.

– Двадцать семь, – ответила я. – А что?

– Хочешь, я тебя возьму в свое шоу? Найдешь там себе жениха – вот так! – Он щелкнул пальцами.

Я обернулась. Кирилл смотрел на меня – прямо и искренне. Неужели он всерьез? Я – и шоу в телике? На всю страну позориться? Видела я, какие у него там девушки участвуют. На их фоне я буду смотреться смешно и нелепо.

– Не хочу, – ответила я честно. – Я не гламурная и не красивая. Ноги короткие, грудь маленькая, нос еще этот...

– Обычный нос, – мгновенно отозвался Кирилл. Он внимательно и придирчиво осмотрел меня с ног до головы. Даже про грудь не забыл. – Если тебя накрасить нормально, платьев купить, а лучше – сшить, научить держаться перед камерами...

– Не смотри так, – поежилась я. – Мне неудобно.

– Прости. – Он сразу отвернулся и встал. – Ну, в принципе, как хочешь. Насильно все равно не поволоку, но предложение в силе.

– Будешь вести кулинарное шоу – позовешь, – слабо улыбнулась я.

Он тоже улыбнулся, но как-то рассеянно.

– Ладно, Варвара, спасибо за ужин, было очень мило с твоей стороны меня пригласить. Я поеду, поздно уже.

Кирилл прошел в прихожую, надел кроссовки, взялся за дверную ручку...

– Одеколон! – вспомнила я.

– Какой одеколон? – нахмурился он. – Ааааа! Точно! Чуть не забыл самое главное!

Я быстро сбегала в комнату за флаконом в форме айсберга с белым медведем на пробке и вручила его Кириллу. Он небрежно убрал его в карман и махнул мне на прощание.

Заперев за ним дверь, я осталась стоять в задумчивости.

Накрасить нормально и платьев купить? Серьезно? И все?

Бабушкино овальное зеркало в потемневшей раме отразило самую обыкновенную, уже не слишком молодую женщину с выбившимися из строгого пучка прядями каштановых волос, бестолково-пухлым носом, тонкими губами, бесцветными глазками с короткими ресницами.

Фигура тоже не ахти, если честно. Слишком тяжелые бедра, пузико торчит, если не втягивать, грудь скромная, талии нет. Килограмм пять неплохо бы сбросить. А лучше – десять. Но даже тогда моделью я не стану.

Не спасут меня никакие платья и макияж. Мне не двадцать лет, чтобы верить в подобные чудеса. Никогда я не страдала от того, что не гламурная красотка, всегда думала, что я из другого теста: рождена, чтобы быть верной женой, заботливой матерью, просто надежной и хорошей женщиной. Через десять лет брака уже неважно, кто как выглядит. Гораздо важнее, что ты приносишь в дом, умеешь ли утешить, поддержать, позаботиться...

Неужели все это никому не нужно, а нужны только платья и макияж – чтобы притвориться кем-то другим? Обмануть всех?

Не свидание?

– Ломать не строить! – бодро заявил Андрей, когда его навороченный шуруповерт не справился с вросшими в дерево винтами в шкафах. И достал топор.

Мечта нескольких поколений советских людей – светлая «стенка» с застекленным книжным шкафом, узким баром, зеркальным сервантом, полочками, нишами, гардеробом – идеальная, удобная – меньше чем за час превратилась в грудку искореженных досок.

Увы, никто не захотел вывозить у меня с четвертого этажа без лифта такое богатство. Даже бесплатно. Зато мусор за деньги согласился дотащить до контейнера дворники.

Брат даже потратил целый вечер, чтобы помочь мне справиться с превращением богатства в мусор. И теперь хищно поглядывал на кухню, откуда уже доносился соблазнительный запах запеченной свинины.

– Если хочешь, – сказал он, – найду с парнями этого твоего Костю и набьем ему морду.

– Можно подумать, он прячется! – раздраженно фыркнула я. – Давай завязывай, мне не десять лет, когда ты тоже все обещал Борьке из соседнего дома объяснить, что ко мне приставать нельзя. Все обещал и обещал...

– Передай кетчуп.

Вот и все, что Андрей ответил.

– Не дам портить вкусную еду кетчупом! – возмутилась я.

– С кетчупом она станет еще вкуснее.

– Ой, да иди к черту. – Я швырнула в него бутылку, он ловко ее поймал и оскалился.

Да, у нас всегда были очень нежные отношения.

– Ремонт делать будешь? – жуя, спросил Андрей. – У меня есть ребята, которые могут электрику провести. С батареями надо в ЖЭК, конечно. Обои сама поклеишь... Что там еще? Полы будет сложно, тут я помогу.

– Не знаю... – Я оглянулась по сторонам, оценивая фронт работ. Ремонт представлялся сейчас совершенно неподъемной задачей. – Я не умею обои.

– Что там уметь – наливай да пей, – хохотнул брат. Жену к тебе снаряжу, будете сплетничать и работать, всем удовольствие.

– Интересные у тебя представления об удовольствии, надеюсь, жена с ними согласна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.